

ПРОБЛЕМЫ МЕТАФИЛОСОФИИ – ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: nikiforov_first@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые проблемы метафилософии, которые широко обсуждались в отечественной философской литературе. Утверждается, что философия представляет собой особый тип мировоззрения наряду с обыденным и религиозно-мифологическим мировоззрением. Дана характеристика мировоззрения как совокупности самых общих представлений об окружающем мире, о человеке, об отношениях человека к миру, о ценностях и идеалах. Дан обзор важнейших философских проблем, в основе которых лежит расщепление бытия на Я и не-Я. Выявлены черты, отличающие философию от науки: отсутствие эмпирической проверяемости и общезначимости. Показано, что к философским утверждениям и концепциям понятие истины в его классическом смысле неприменимо. В заключение сделан вывод о том, что философские утверждения и концепции выражают не знание, а лишь мнение философа о мире и о человеке в этом мире.

Ключевые слова: мировоззрение, философия, метафилософия, истина, наука, знание, мнение, проблемы

PROBLEMS OF METAPHILOSOPHY – A VIEW FROM ASIDE

Alexander L. Nikiforov – DSc in Philosophy, chief research fellow.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240, Russia.
e-mail: nikiforov_first@mail.ru

The paper discusses several problems of metaphilosophy that were explored in the philosophical literature in Russia. Metaphilosophy tries to understand what is philosophy, what problems philosophers are dealing with, which methods they employ in their investigations, the nature of philosophical statements and so on. Philosophers in Russia tended to think of philosophy as a special type of worldview that exists together with the ordinary worldview and religious worldview. The author defines worldview as a collection of basic beliefs about the surrounding world, society, human being, the relations existing between individuals and society, about values and ideals. It is underscored that a worldview is always somebody's worldview (it belongs either to an individual or a social group). The worldview problems explored by philosophers remain the same throughout thousands of years; what changes is how they are stated in different times. Every human being faces these problems if she has realized herself as an autonomous being and the reality splits for her into the I and the non-I. All philosophical problems revolve around three basic questions: what is the non-I (i.e. nature and society)? - this is the ontological question; what is I? (the anthropological question); what relations exist

between the I and the non-I (the epistemological, axiological, ethical and other questions). The author also explores several stages of a philosophical investigation: an internal dissatisfaction with existing solutions, a search for a new perspective (meaning, idea, interpretation), development of the found solution. The author points at a number of characteristics that make philosophy different from science: philosophical statements and conceptions cannot be verified or refuted by experience, they are not universal. It is argued that the notion of truth in its classical interpretation cannot be applied to philosophical statements because the latter cannot be true or false. The author concludes that philosophical statements or conceptions express the subjective opinion of a given philosopher about the world and the human being. An obvious evidence for this is the existing pluralism of philosophical systems, schools, and trends.

Keywords: worldview, philosophy, science, metaphilosophy, truth, knowledge, belief, problems

В работах философов Западной Европы и США в последние десятилетия все больше места занимает не обсуждение собственно философских проблем, а рассмотрение проблем так называемой метафилософии. Метафилософия стремится понять, что такое философия, какова природа философских утверждений, какими методами пользуются философы в своих исследованиях и т. п., т. е. что представляет собой философия как специфическая область интеллектуальной деятельности. Уже 50 лет издается журнал под названием «Метафилософия».

Участников дискуссий по поводу метафилософии часто разделяют на два лагеря: с одной стороны, «континентальные» философы, с другой – представители аналитической философии, господствующей ныне в США и Англии. К континентальным философам относят обычно философов Франции, Германии, Италии и других западноевропейских стран. К сожалению, в этих дискуссиях не представлена еще одна сторона – российская философия, представители которой могли бы внести свой оригинальный вклад в обсуждение метафилософских проблем.

Основной вопрос метафилософии «Что такое философия?» неоднократно обсуждался отечественными философами еще в советский период нашей истории. На него по-разному отвечали Т.И. Ойзерман, С.Т. Мелюхин, В.С. Степин, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили и многие другие философы и ученые. Жаль, что их работы остались практически неизвестными нашим зарубежным коллегам. Здесь я попытаюсь осветить некоторые проблемы метафилософии в русле тех идей, которые были в центре внимания отечественных философов.

Мировоззрение

Природа мировоззрения

В отечественной литературе философию чаще всего истолковывали как разновидность мировоззрения (*der Weltanschauung*, *world-view*).

Под мировоззрением в общем виде понимают совокупность самых общих взглядов (воззрений, представлений, убеждений) на окружающий мир, на общество, на самого человека, на его место в мире и обществе.

По-видимому, каждый человек имеет некоторое мировоззрение, т. е. у каждого из нас есть какое-то общее представление о мире, обществе и о себе. Даже если человек никогда не задумывался над своим мировоззрением и чаще всего не способен выразить его внятно, мировоззрение у него есть, и оно проявляется в его наиболее важных решениях и действиях. Мировоззрение включает в себя наиболее фундаментальные, глубинные, сокровенные убеждения человека, так сказать, центральное ядро его здравого смысла. Сюда входят самое общее представление о мире и определенная картина мира; представление о себе, о своем месте в этом мире; представление о добре и зле, о должном, о наиболее важных жизненных целях и ценностях. Жизнь отдельного человека направляется – в основном и главным – именно этими фундаментальными представлениями и убеждениями, однако далеко не все его поступки определяются этим ядром. Сознание человека не похоже на формальную аксиоматическую систему, в которой даже самая отдаленная теорема представляет собой логическое следствие исходных аксиом. Многое, что мы говорим или делаем в этой жизни, не вытекает из наших глубинных – мировоззренческих – убеждений, порой расходится с ними и даже противоречит им. Что делать! Человек не машина, действующая согласно вложенной в нее программе, и много совершает под влиянием мгновенного чувства, мелкого интереса, увлечения всеобщей модой или под воздействием пропаганды, рекламы, внушения. Поэтому столь часто нас беспокоит совесть: мы осознаем, что наш поступок не соответствует нашим глубинным убеждениям, и осознание этого тревожит нашу душу.

Итак, мировоззрение включает в себя наиболее общие и глубокие воззрения человека на мир и на себя в этом мире.

Однако это еще не все и далеко не все. Мировоззрение – не просто некоторая картина мира, общества, в которую в качестве одной из деталей включен сам субъект. Мировоззрение включает в себя также определенное отношение субъекта к миру и обществу, их оценку:

мир может представляться мне открытым, светлым, дружелюбным или, напротив, мрачным, пугающим, агрессивным. Природа может казаться мне родным домом, в котором каждая букашка родственна мне, а может рассматриваться как сырой материал для удовлетворения моих потребностей.

Меня либо устраивает мое общественное положение, и я стремлюсь его сохранить, либо оно меня не устраивает, и я хотел бы его изменить. Мне кажется, я могу добиться всего, если сильно захочу, или я осознаю, что, несмотря на все свои способности и усилия, обречен влачить жалкое существование. Все эти отношения и оценки включаются в мировоззренческую картину мира и придают ей индивидуальную эмоциональную и смысловую окраску. Таким образом, «мировоззрение – это совокупность взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека и вместе с тем жизненные позиции, программы поведения и действий людей» [Фролов, 2003, с. 24–25].

Исходя из этого более или менее общепризнанного понимания мировоззрения, сразу же можно увидеть его главную особенность: оно всегда чье-то мировоззрение – индивида, социальной группы, эпохи, представленной конкретными лицами. Нет безличного, анонимного мировоззрения, в центре всякого мировоззрения стоит определенный субъект. Если мы включаем в мировоззрение не только знания, но и ценности, идеалы, цели, стратегические программы жизнедеятельности, то все это имеет смысл только для конкретного человека. Знания безличны – они принадлежат всем и одинаковы для всех. Но идеалы, цели, ценности у всех разные, поэтому и мировоззрения разные. Со времен Ньютона образ Солнечной системы тысячекратно использовался для наглядного представления разнообразных идей, и в данном случае он может быть полезен. Центром всякого мировоззрения, его Солнцем является конкретная человеческая личность, притяжение которой удерживает тяжелые планеты знаний, астероиды ценностей и целей, кометы идеалов. Все они образуют систему лишь благодаря светоносному центру, излучение которого придает неповторимое своеобразие всему остальному. Выдерните из этой системы центр – личность, планеты и кометы унесутся в космический холод безличных абстракций.

Обыденное мировоззрение

У каждого из нас есть какое-то мировоззрение – без этого, по-видимому, просто нет человека. Такое мировоззрение называют стихийным или обыденным, потому что оно формируется само по себе у каждого человека в процессе его социализации и жизнедеятельности. Это – ядро нашего здравого смысла. Своими корнями оно отчасти

уходит в генетическую наследственность: унаследовали вы от родителей силу и здоровье – это скажется на вашем восприятии окружающей жизни, а если вы с рождения страдаете болезнями и хилостью, ваше мировоззрение будет окрашено в более пессимистические тона. Общение с родителями, сверстниками, школьные знания, непосредственный контакт с окружающей средой и людьми – все это формирует глубинные убеждения человека, ценности, жизненные установки, и к началу юности он уже обретает вполне определенное мировоззрение. При этом важную роль играет усвоение родного языка. Структура языка, значения его слов задают определенную структуру мира. Например, в русском языке есть грамматические категории существительного, глагола, прилагательного и т. п., поэтому внешний мир русский человек представляет себе как состоящий из предметов, их свойств и взаимоотношений. Картина мира, навязываемая повседневным языком, входит в обыденное мировоззрение человека, усвоившего этот язык. Слушая сказки в детстве, невольно запоминая пословицы и поговорки, человек почти бессознательно усваивает традиции мышления, ценности, мироощущение своего народа. «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «Не хлебом единым жив человек», «Не зная броду, не суйся в воду» и т. п. – идеи, выраженные в такого рода расхожих выражениях и крылатых словечках, незаметно входят в мировоззрение человека и образуют его важную часть, хотя и не всегда осознаваемую.

Однако ведущая роль в формировании обыденного мировоззрения принадлежит, бесспорно, трудовой деятельности. Именно те свойства вещей и явлений реальности, которые открываются человеку в повседневной жизнедеятельности, которые важны с точки зрения его потребностей, в первую очередь выделяются им и образуют основное содержание его представлений об окружающем мире.

Но обыденное мировоззрение страдает некоторыми существенными недостатками. Оно никогда полностью не формулируется в явных утверждениях и в значительной мере существует в виде полусознаваемых, неясных, смутных идей, образов, чувств. Наряду с научными знаниями, усвоенными в школе или вузе, обыденное мировоззрение часто содержит обрывки религиозных верований, суеверия, предрассудки. Но самое важное то, что обыденное мировоззрение никогда не представляет собой системы, т. е. его отдельные принципы часто несовместимы один с другим и следствия этих принципов не всегда доводятся до повседневных поступков. Например, человек искренне убежден в том, что воровать плохо, но охотно бежит покупать акции какой-нибудь шельмовской компании, или пылко мечтает о процветании родного государства, однако при этом ведет двойную бухгалтерию, чтобы не платить налогов. От этих недостатков в значительной мере избавлено религиозно-мифологическое мировоззрение.

Религиозно-мифологическое мировоззрение

Мифология и религия дают целостное и последовательное представление о мире и о месте человека в мире. Миф говорит о происхождении мира и его устройстве, о возникновении человека и человеческого общества, объясняет разнообразные взаимосвязи вещей и явлений, формулирует принципы «правильной» жизни. Например, древний пеласгический миф повествует о происхождении мира так: «Вначале Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвигалась к югу, а за ее спиной возникал ветер, который ей показался вполне пригодным, чтобы начать творение. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях – и перед ее глазами предстал великий змей Офион. Чтобы согреться, Эвринома плясала все неистовей, пока не пробудилось в Офионе желание, и он обвинил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Вот почему северный ветер, который зовется также Борею, оплодотворяет: вот почему кобылы, поворачиваясь задом к этому ветру, рожают жеребят без помощи жеребца. Таким же способом и Эвринома зачала дитя.

Затем превратилась она в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. По ее просьбе Офион обернулся семь раз вокруг этого яйца и высиживал его до тех пор, пока оно не расколосось надвое. И появилось из него все то, что только существует на свете: солнце, луна, планеты, звезды, земля и ее горы, реки, деревья, травы и живые существа» [Грейвс, 1992, с. 15].

Этот отрывок показывает важнейшую особенность религиозно-мифологического мировоззрения – его антропоморфный характер: «Это такое мировоззрение, в котором мироздание духовно осваивается людьми на эмоционально-образно-представленческом уровне путем перенесения на природу явных и неявных качеств и форм человека и его общественной жизни» [Чаньшев, 1981, с. 6]. Миф и религия вплетаются в обыденное мировоззрение и придают ему стройность и систематичность. Но эта стройность опирается не на логические связи, а на ассоциативно-образные. В отличие от обыденного мировоззрения миф претендует на общезначимость – он разделяется всеми членами данного общества. Наконец, миф догматичен: сомнения в нем или его изменения недопустимы.

Философское мировоззрение

Как считается, примерно в одно время – в VII–VI вв. до н.э. – в Индии, Китае, Греции возник и начал быстро развиваться новый тип мировоззрения – философия. В чем отличие философского мировоззрения от обыденного и религиозно-мифологического?

Философское мировоззрение всегда выражено в виде ясных принципов и утверждений.

С появлением философии происходит отход от антропоморфизма: философия уже не пытается переносить свойства человека и человеческих взаимоотношений на мир в целом.

Философия постепенно заменяет чувственные образы, на которых покоится миф, абстрактными понятиями, а ассоциативные связи образов мифа – логическими связями понятий.

Философское мировоззрение преподносится не как догма, которую следует принимать, не рассуждая, а как один из возможных способов понимания и объяснения мира, допускающий критику и замену лучшими способами.

С возникновением философского мировоззрения появляются три типа мировоззрения – обыденное, религиозно-мифологическое и философское, которые сосуществуют и оказывают влияние друг на друга. Если обыденное мировоззрение ранее целиком находилось под влиянием мифа или религии, то теперь оно начинает испытывать воздействие философских учений. Философия способствовала разложению мифа и переходу от мифа к монотеистической религии. Ксенофан почти за 500 лет до возникновения христианства подверг философской критике политеизм древних мифов и пришел к идее единого бога. До сего времени религиозное и философское мировоззрение соперничают за влияние на обыденное мировоззрение.

Однако и философия испытывает постоянное воздействие обыденного мировоззрения. Последнее вырастает из реальной повседневной жизни, поэтому оно более чувствительно к изменениям этой жизни – к изменению образа жизни, деятельности, окружающей среды и т. п. Эти изменения лишают общественного интереса одни философские проблемы и выдвигают на первый план другие. Такая смена интересов, будучи осознана на уровне обыденного мировоззрения, передается в философию и приводит к новым философским поискам.

Таким образом, на мировоззрение современного человека оказывают влияние и религия, и мифология (которая вовсе не умерла с рождением философии и науки), и философские системы. Элементы этих мировоззренческих систем, соединяясь в сознании современного человека, порождают порой удивительные комбинации.

Однако определение философии как мировоззрения не исчерпывает вполне ее содержания. Как мы отметили выше, центром всякого

мировоззрения является некий субъект – отдельный индивид, если речь идет об обыденном мировоззрении, или группа индивидов, когда мы имеем дело с религиозно-мифологическим мировоззрением. Всякое мировоззрение – это всегда чье-то мировоззрение. Но чьим мировоззрением является философия в целом? Мы обнаруживаем в ней мировоззрения Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Б. Спинозы, И. Канта, выраженные в созданных ими философских системах. Но в философии помимо этих великих систем есть общие мировоззренческие проблемы и категориальный аппарат для их формулирования и обсуждения.

Мировоззренческие проблемы, встающие перед человеком, в общем остаются одними и теми же на протяжении тысячелетий (в этом смысле иногда говорят, что проблемы философии являются вечными). За время существования философии постепенно создавался специальный язык для формулировки и обсуждения этих проблем. Поэтому философия в целом представляет собой не только совокупность мировоззренческих систем, созданных великими мыслителями, но она включает в себя также набор мировоззренческих проблем и особый философский язык – средство их формулирования и решения.

Философские проблемы

Так над какими же проблемами размышляют философы? Что они сами говорят об этом? Кант, которого часто цитируют в учебниках, писал: «Сферу философии... можно подвести под следующие вопросы: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?» [Кант, 1980, с. 332] В. Вундт говорит о трех важнейших проблемах: «Развитие главнейших направлений философской мысли связывается с тремя основными проблемами: с *гносеологической*, *метафизической* и *этической*. Среди них разрешение гносеологической проблемы является предварительным условием для разрешения двух других. Пока твердо не установлены происхождение, достоверность и границы познания, работа над метафизическими задачами уподобляется путешествию по морю без руля и парусов, а обсуждение этической проблемы лишается надежной опоры» [Вундт, 1998, с. 214–215]. Красноречивый Б. Рассел в своей «Истории западной философии» представляет пестрый веер философских проблем и вопросов:

«Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи или он обладает независимыми способностями? Имеет ли вселенная какое-либо единство или цель? Развивается ли вселенная по направлению к некоторой

цели? Действительно ли существуют законы природы или мы просто верим в них благодаря присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, – крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является и тем и другим одновременно? Существует ли возвышенный и низменный образы жизни или все образы жизни являются только тщетою? Если существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы его можем достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или к добру нужно стремиться, даже если вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или то, что представляется таковой, – просто максимально рафинированная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответы в лаборатории» [Рассел, 1998, с. 6–7].

Нетрудно заметить, что проблемы, о которых говорили Кант и Вундт, присутствуют в перечне Рассела. Если спросить у современных философов разных стран, над какими проблемами они размышляют, то мы получим множество самых разнообразных ответов. Тем не менее, это множество обладает некоторой цельностью и устойчивостью.

В философии советского периода нашей истории много говорили о так называемом основном вопросе философии – вопросе об отношении мышления к материи: материя порождает мыслящий дух или мысль творит материальный мир? Именно его считали тем стержнем, на который нанизываются все остальные философские проблемы. По-видимому, это не так. Никакого «основного» вопроса философии нет, но есть исходное и фундаментальной мировоззренческое отношение Я к не-Я. Для человека, осознавшего себя автономным самостоятельным существом, целостное бытие раскалывается на две части – Я и не-Я, т. е. все остальное, включая родных, близких и дальних, природу и общество. Здесь нет еще никакого вопроса, есть некоторая данность, противопоставленность Я всему остальному – тому, что не есть Я.

Если признать, что исходным пунктом всякого мировоззрения – обыденного, религиозного, философского – является расщепление мира на Я и не-Я («среду», «внешний мир» и т. п.), то это сразу дает очевидное основание для классификации философских проблем. Все они в общем могут быть разделены на три большие группы: *онтологический* вопрос: что собой представляет окружающий мир (включая социальный мир)?, *антропологический* вопрос: что есть Я?, *гносеологический*, *аксиологический*, *праксеологический* и т. п. вопросы: каковы отношения между Я и не-Я? Именно на них или часть из них отвечает каждый философ и каждая философская система.

Философское творчество

Как обстоит дело в науке? Согласно представлениям большинства современных философов науки, здесь имеется круг общепризнанных проблем, вопросов, задач. Ученый выбирает для себя задачу, руководствуясь внутренним интересом, общественной значимостью проблемы, сознанием границ своих способностей и т. п. Как правило, ученые не ставят перед собой и не разрабатывают таких проблем, которые не признаны в качестве таковых научным сообществом.

Проблем в этом смысле в философии нет, и отчасти это объясняется отсутствием единой парадигмы. Проблемы, волнующие одних, часто неинтересны или даже бессмысленны с точки зрения других. И ответы на большую часть вопросов даже в рамках одного философского течения уже имеются. Довольно трудно указать философский вопрос, на который все еще нет ни одного ответа. Поэтому философские сочинения часто начинаются довольно стандартно: «Иванов решает данную проблему так, Петров решает ее иначе, а я, Сидоров, предлагаю третье решение». Ответы есть, дело в том, что эти ответы не удовлетворяют *тебя*.

Таким образом, исходный пункт философского исследования – не вопрос, не проблема, с которых, по мнению К. Поппера, начинается наука, а *субъективная неудовлетворенность* существующими решениями и желание устранить эту неудовлетворенность. Часто она носит довольно-таки неопределенный характер: какая-то неясность, смутное подозрение, что здесь что-то не так.

Поскольку неудовлетворенность возникает в значительной мере стихийно и заранее весьма трудно предсказать, что именно вызовет у вас сомнение, постольку можно было бы даже сказать, что не философ выбирает тему своего исследования, а скорее тема выбирает, захватывает его, отвечая каким-то глубинным пластам его духа.

Философ вступает в схватку с проблемой безоружным, и в этом заключается еще одна особенность философского исследования. У философа нет ни приборов, ни инструментов, он не может поставить эксперимент или провести наблюдения, ему не помогает математика и даже сама логика. В его распоряжении лишь собственный разум. Философ изучает работы тех авторов, которые думали над интересующим его вопросом или близкими вопросами, старается понять, почему его не удовлетворяют имеющиеся ответы, и ищет свой ответ. Как возникает решение, мысль, нужное слово? По-видимому, процесс философского открытия напоминает тот, который описан А. Пуанкаре и Ж. Адамаром как характерный для математики. Однако оставим в стороне вопросы психологии и допустим, что решение найдено, крик «Эврика!» прозвучал.

Простейшей ситуацией будет та, когда вам действительно удалось изобрести совершенно новую мысль, никогда ранее не встречавшуюся в литературе.

Увы, гораздо чаще встречается случай, когда, предложив некоторое решение, высказав некоторую мысль, вы (обычно с помощью «доброжелательных коллег») обнаруживаете, что эта мысль, это решение или что-то весьма похожее уже давно кем-то были высказаны и даже не один раз. По-видимому, в науке такое бывает гораздо реже. Встречаются, конечно, ситуации, когда одно открытие делается независимо разными людьми (известный пример: переоткрытие в 1900 г. законов наследственности Г. де Фризом, К. Корренсом и Э. Чермаком, сформулированных Г. Менделем в 1865 г.), но вряд ли найдется ученый, который всерьез будет заново изобретать дифференциальное исчисление или открывать известные газовые законы. В философии же это случается на каждом шагу. Человек изобретает, строит концепцию, а потом вдруг осознает, что построенная им концепция весьма сильно напоминает построения И. Канта или А. Бергсона. Именно поэтому взаимная критика философов так часто начинается (а порой и заканчивается) с установления сходства идей критикуемого коллеги с идеями какого-нибудь известного философа.

И все-таки каждый философ знает, что здесь нет вульгарного плагиата. Близкие по душевному складу личности будут давать сходные ответы на стоящие перед ними вопросы. Это объясняет взаимное сходство даже вполне самостоятельных решений. Важно то, что если такие ответы даются в разных исторических обстоятельствах, представителями разных культур, то они каждый раз будут содержать в себе нечто новое, т. е. будут сходны, но не тождественны.

Но что же представляет собой решение? В науке это констатация какого-то факта, установление некоей закономерности, доказательство некоторого утверждения, короче говоря, – новое *знание* об исследуемой области явлений. Философ не открывает новых фактов и законов, не выдвигает проверяемых гипотез, не строит теорий для объяснения фактов. Его задача – найти и в систематической форме выразить свое понимание мира и свое отношение к нему. Для этого философ изобретает новые понятия или переинтерпретирует известные, изобретает новые связи понятий, выявляет скрытое или придает новое содержание известным понятиям. Примером могут служить известные философские понятия материи, духа, добра, прекрасного, причинности и т. п., которые в каждой философской системе получают новое истолкование, новую интерпретацию. Оценивая философский результат в самом общем виде, можно сказать, что он всегда представляет собой создание нового *смысла*.

Итак, найден новый смысл, новая интерпретация. Но это – лишь первый, хотя и принципиально важный, шаг на долгом пути.

Мало изобрести новый смысл, придать новую интерпретацию понятию или утверждению, увидеть новую связь понятий. На это способны многие люди, но, увы, многие на этом и останавливаются. Немало встречается остроумных людей, высказывающих в коридоре или за чашкой кофе блестящие идеи, но пишущих мало и тускло. От философа требуется умение и желание развить найденное решение. В общем, это развитие заключается в следующем: опираясь на найденный смысл, философ переосмысливает (переинтерпретирует) известные понятия и утверждения, находящиеся в связи с его результатом. Так формируется новый взгляд на мир. Чем более последовательно и широко способен философ развить следствия найденного решения, тем более значительным будет его достижение. Отметим некоторые моменты этого процесса.

Опираясь на свой результат, философ переформулирует исходную проблему так, чтобы полученный результат оказался решением этой проблемы. Таким образом, сначала находится *решение*, а *потом* под это решение формулируется *проблема*. И это вовсе не какая-то неблагоприятная уловка. Мы уже отмечали, что философское исследование чаще всего начинается с некоторой беспокоящей неясности, неудовлетворенности. Когда вы находите понятия, утверждения, устраняющие беспокойство, вносящие ясность, только тогда вы получаете возможность четко осознать, что именно вас не удовлетворяло, и выразить это в виде ясно сформулированной проблемы. Поэтому не всегда следует верить философу, который пишет: «Передо мной встала проблема, я подумал и решил ее». Нет, часто сначала он находит некий результат, а затем изобретает задачу, решением которой будет этот результат.

Философ отыскивает также *основания* своего результата, т. е. какие-то общепринятые положения, факты, данные науки и т. п., из которых полученный результат следует. Некоторые из них действительно могли подтолкнуть его в определенном направлении, однако теперь он собирает даже тот материал, о котором он и не думал до того, как нашел решение. Это нужно ему для того, чтобы представить свой результат в качестве *логического следствия* подобранных оснований. Философы обычно избегают говорить: «Я принимаю это потому, что *мне* это нравится, что я так хочу, чувствую, верю». Вместо таких шокирующих заявлений они предпочитают создавать у читателя такое представление: стояла некая проблема, был собран такой-то материал, который логически привел именно к данному решению проблемы.

Развитие следствий полученного результата заключается, по сути дела, в разработке новой интерпретации известных понятий, утверждений, проблем. Хороший результат в идеале должен приводить к переинтерпретации всех философских понятий и к созданию нового взгляда на мир. Так возникают великие философские системы –

Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Маркса. Однако требуются чудовищные усилия для того, чтобы последовательно развить новое мировоззрение и справиться со всеми трудностями на этом пути. Например, Маркс в «Капитале» начинает с той идеи, что все богатство капиталистического общества представляет собой совокупность товаров. Последовательное проведение этой идеи потребовало показать, что и земля с ее лесами и водами, и произведения искусства, и даже сам человек являются товаром. А для этого была нужна большая изобретательность и упорный труд.

Да и найденный результат – исходный пункт нового воззрения – должен быть достаточно значителен и оригинален, чтобы его следствия охватили заметную сферу. Чем шире эта сфера, чем больший круг философских проблем и решений позволяет переосмыслить ваш результат, тем он значительнее. Ценность философского результата определяется не соответствием его фактам или научным данным, а его потенциальной способностью придавать новый смысл понятиям, вещам, явлениям и показывать их в новом, необычном свете. Очень значительный результат дает возможность по-новому взглянуть на все, на весь мир. Один из не столь давних примеров – философия К. Поппера, выросшая из идеи фальсифицируемости.

Итак, исследование завершено, результат получен и развит. Пора выносить его на суд публики.

Какую цель преследует философ, обнаружив результаты своих размышлений? Основная и, если судить по большому счету, единственная цель – передать свое видение мира или решение отдельной проблемы другим людям. Для достижения этой цели у философа имеется лишь одно средство – красота, стройность, последовательность изложения. Поэтому он ссылается на данные науки, апеллирует к материальным интересам, прибегает к логике или эмоциональному, приподнятому стилю изложения и т. п. История философии свидетельствует о том, что крупные мыслители обычно заботились о литературной форме своих сочинений. Если вы придумали что-то новое и искренне верите, что это новое нужно, полезно, прекрасно, то вы постараетесь преподнести свои идеи в хорошей упаковке, изложить их так, чтобы читатель вам поверил. Если же вас интересует только выполнение плана или получение гранта, то что вам Гекуба?

Философия и наука

По-видимому, еще к Лейбницу восходит то определение тождества, согласно которому две вещи являются тождественными, если все свойства одной из них являются в то же время свойствами другой

и обратно. Легко показать, что некоторые особенности науки не принадлежат философии, следовательно, наука и философия – разные вещи.

Как известно, в философии науки XX в. довольно большое место занимала «проблема демаркации» – проблема нахождения критериев, которые позволили бы отделить науку, научное знание от ненауки, от псевдонауки, от идеологии и – что для нас здесь особенно интересно – от философии. Кто занимался этой проблемой, тот знает, что она не получила удовлетворительного решения, да, по-видимому, и не могла быть решена в том виде, который был ей придан. Нет той четкой границы между наукой и философией, которую стремились найти и зафиксировать.

Хотя имеются образцы научных и философских систем, которые очень ясно показывают различие между наукой и философией, однако контуры этих двух областей расплывчаты, они взаимно проникают одна в другую и во многих случаях чрезвычайно трудно сказать, что это – еще философия или уже наука? Тем не менее в критериях, сформулированных различными авторами, были, на мой взгляд, выделены некоторые черты и особенности науки, которые – пусть не вполне четко – все же отличают ее от всех других форм интеллектуальной деятельности, в том числе и от философии. Посмотрим на некоторые из них.

Логические позитивисты полагали, что научными можно считать только такие положения и теории, которые можно *верифицировать* или, проще говоря, *подтвердить* эмпирическими данными. Например, когда ученый утверждает, что все вороны черные, то он постарается найти какого-нибудь ворона и указать: «Видите, вон сидит ворон, и обратите внимание – черный, следовательно, мое утверждение подтверждено». Многие философы науки и сами ученые считают, что все утверждения и теории науки в той или иной степени подтверждены или должны быть подтверждены фактами, наблюдениями, экспериментами.

Критикуя воззрения логических позитивистов, К. Поппер указывал на то, что одной подтверждаемости еще недостаточно для того, чтобы провести границу между научными и ненаучными утверждениями и построениями. Утверждения и теории науки, с его точки зрения, отличаются тем, что в принципе могут быть *опровергнуты* эмпирическими данными. Объединяя подтверждаемость с опровержимостью, мы можем сказать, что одним из важнейших критериев, позволяющих отличить научные построения от ненаучных, является *эмпирическая проверяемость*: если теория допускает проверку с помощью наблюдения или эксперимента, в результате которой она может быть подтверждена или опровергнута, то такая теория является научной; если же теорию нельзя проверить опытом, то она лежит вне науки.

На мой взгляд, утверждения и концепции философии эмпирически непроверяемы и непроверяемы. Ну как, в самом деле, проверить и опровергнуть утверждение о том, что материя первична, а сознание вторично; что в основе развития природы лежит саморазвитие абсолютного духа; что субстанция представляет собой единство Природы и Бога и т. п.? Когда Пьер Тейяр де Шарден утверждает, что каждая частичка вещества наделена некоторым подобием психического, то разве смущает его какой-нибудь вполне безжизненный камень, лежащий на дороге? Нет, конечно. Факты, с которыми имеет дело наука, всегда, по крайней мере со времен античности, были безразличны для философии, ибо с самого начала своего возникновения она пыталась говорить о тех вещах, которые находились за пределами повседневного опыта и научного исследования, – о сущности мира, о добре и зле, о совести и свободе.

Т. Кун, как известно, отметил еще одну отличительную особенность науки: в каждой науке существует одна (иногда несколько) фундаментальная теория – *парадигма*, которую в определенный период признает все научное сообщество. При всех оговорках, связанных с неопределенностью понятия парадигмы, нельзя отрицать тот факт, что в науке имеются достижения, признаваемые всем научным сообществом. По-видимому, до тех пор, пока такой фонд общепризнанных достижений в некоторой области не сложился, в ней еще нет науки. Для всех нас совершенно очевидно, что в философии никогда не было господствующей парадигмы. Для нее характерен *плюрализм* школ, течений, направлений. (Кун именно в этом видел принципиальное отличие философии от науки.) Фактически каждый более или менее самостоятельный мыслитель создает свою собственную мировоззренческую систему. Каждый из нас знает, как трудно среди профессионалов встретить хотя бы одного человека, который согласился бы с твоим решением той проблемы, которой он сам интересуется. Да что там говорить о согласии, когда чаще всего нам не хватает простого взаимопонимания!

Характерной чертой науки Нового времени является широкое использование эмпирических методов познания – наблюдения, измерения, эксперимента. Она часто обращается к индукции и опирается на индуктивные обобщения. Наука стремится вводить количественные понятия и использует математический аппарат. Наука широко пользуется гипотезами для получения нового знания. Всего этого в философии нет или почти нет: философ не проводит целенаправленных наблюдений, не ставит экспериментов, не собирает фактов – он сидит в библиотеке и читает книги или вступает в споры с коллегами на семинарах и конференциях.

В науке всегда существует круг общезначимых проблем. Всем биологам интересно знать, как устроена хромосома или есть ли жизнь на Марсе, любого физика заинтересует сообщение о новой

элементарной частице и т. д. Ученые ищут решений своих проблем, и если ответ найден, то вряд ли кому-нибудь придет в голову еще и еще раз решать закрытую проблему. Вопрос выражает отсутствие информации, и, как только информация получена, вопрос снимается или становится риторическим. В философии же дело обстоит совершенно иначе. По-видимому, в ней нет интересных для всех проблем. Проблемы, волнующие одного философа или членов какого-то направления, могут показаться тривиальными или даже бессмысленными с точки зрения другого философа, иного философского направления. Ну, например, вопрос о том, как отделить царство духа от царства кесаря, обсуждению которого Н.А. Бердяев посвятил целую книгу, для других философов того времени вообще не являлся вопросом. В начале 30-х гг. логические позитивисты провели бурную дискуссию о природе протокольных предложений. Эта дискуссия оставила совершенно равнодушными французских и немецких экзистенциалистов. И так далее.

Развитие науки также довольно сильно отличается от развития философии. В философии нет того непрерывного поступательного движения к все более полному, точному и глубокому знанию, которое так характерно для развития науки (по крайней мере, в течение длительных периодов). Здесь перед нами предстает многоцветный калейдоскоп разнообразных идей, концепций, точек зрения, дискуссий и споров, возвратов к старым проблемам и, казалось бы, давно умершим взглядам. В науке легко заметить *развитие*, в философии же на переднем плане мы замечаем, прежде всего, *изменение*.

Наконец, существует еще одно, быть может, важнейшее отличие философии от науки, о котором стоит поговорить особо.

Философия и истина

Все мы или почти все, пусть с многочисленными оговорками и уточнениями, признаем, что наука дает нам истину в классическом смысле этого слова, т. е. приблизительно адекватное отображение действительности в форме научных законов и теорий. Но дает ли нам истину в этом смысле философия? Применимо ли классическое понятие истины к философским утверждениям и концепциям? Для ответа на этот вопрос попробуем выявить особенности тех научных предложений, к которым бесспорно применяется истинностная оценка, а затем посмотрим, обладают ли этими особенностями утверждения философии.

Начнем с известного и общепризнанного: логика говорит нам, что истинными или ложными могут быть только повествовательные предложения, но не вопросительные или побудительные. К этому

следует добавить, что повествовательное предложение должно быть *осмысленным*, и, прежде чем ставить вопрос об истинности или ложности некоторого предложения, мы должны сначала решить, осмысленно ли оно. Осмысленные повествовательные предложения широко используются как в повседневной жизни, в которой они выражают опыт и знания, полученные нами в результате непосредственного контакта с вещами и явлениями, так и в науке, в которой они воплощают научное знание. Вполне естественно предположить, что такого рода предложения обладают какими-то особенностями, которые и позволяют нам оценивать их как истинные или ложные. Что же это за особенности?

Совсем нетрудно заметить, что повествовательные предложения носят *описательный* характер, они описывают свой объект, какие-то его свойства или отношения между объектами. Так, предложения «Волга впадает в Каспийское море» или «Фенотипические особенности организма детерминированы его генотипом» описывают отношения между некоторыми объектами, в то время как предложения «Поди сюда!» или «Когда же придет весна?» ничего не описывают. Правда, для того чтобы предложению можно было приписать истинностную оценку, мало того, чтобы оно имело форму описания, в нем еще должен присутствовать момент утверждения или отрицания, показывающий, что предложение претендует на воспроизведение реального положения дел. В свое время Г. Фреге предлагал выражать особым знаком утверждаемость повествовательного предложения, ибо только в этом случае оно становилось подлинным описанием.

По-видимому, предложение, претендующее на истинностную оценку, обладает еще одной важной особенностью: оно должно быть *разрешимо* – в том смысле, что у нас есть возможность проверить это предложение и установить истинно оно или ложно. В самом деле, если к некоторому предложению применима истинностная оценка в классическом ее истолковании, то это означает, что имеется какой-то способ установить, соответствует оно своему объекту или нет. Если такого способа – ни прямого, ни косвенного – не существует, то истинностная оценка просто теряет смысл. Метод проверки должен быть интерсубъективным, т. е. каждый желающий может проверить и убедиться, истинно некоторое предложение или ложно.

Наконец, интерсубъективная проверяемость предложений, допускающих истинностную оценку, делает их *общезначимыми*. Это следует понимать в том смысле, что если некоторое предложение признано истинным или ложным, то с этой оценкой вынужден согласиться каждый человек, независимо от своего национального происхождения, сословной принадлежности, идеологических, политических и прочих ориентаций. Такие истины, как «свинец тяжелее

железа», «сила тока в цепи пропорциональна напряжению», «кит – млекопитающее», вынужден принять каждый, кто понимает их смысл и способ проверки.

При этом совершенно неважно, кто первым высказал истинное предложение – итальянец или китаец, миллионер или пролетарий, Нильс Бор или папа римский. Поэтому истина бессубъектна: не имеет значения, кто высказал истину, она будет принята; не имеет значения, кто высказал ложь, она будет отвергнута. На эту черту истины обращал внимание наш великий ученый и мыслитель В.И. Вернадский: «Идеал научной работы, – писал он, – безличная истина, в которой всякое проявление личности по возможности удалено и для установления и понимания которой безразлично, кем и при какой обстановке она найдена, ибо это научная истина, т. е. научный факт, эмпирическое научное обобщение, вновь непрерывно пересматривается и логическим анализом, и возвращением вновь к реальному явлению *многократной проверкой* новыми лицами» [Вернадский, 1988, с. 308]. Поэтому, высказывая истинные утверждения, мы практически никогда не ссылаемся на авторитет или источник, т. е. не говорим: «Как считает Коперник, Земля вращается вокруг Солнца» или «По мнению Дарвина, лошади кушают овес и сено». Конечно, далеко не всякая истина сразу же принимается всеми. История науки показывает, что очень многие истины с трудом входили в общественное сознание. Однако интерсубъективная проверка в конечном итоге убеждает всех.

Таким образом, рассматривая предложения, которым обычно приписывается истинностная оценка, мы обнаруживаем, что эти предложения должны быть описательными утверждениями, интерсубъективно проверяемыми и общезначимыми. Благодаря внутренней связи перечисленных свойств отсутствие хотя бы одного из них делает сомнительным наличие двух других и разрушает основу, на которую опирается истинностная оценка предложения. Те же самые свойства присущи и системам рассматриваемых предложений – научным теориям, описаниям прошлого историком, рассказам очевидцев о тех или иных событиях. Интерсубъективной проверяемостью и общезначимостью истины объясняется интернациональность науки, признание учеными разных стран одних и тех же научных достижений.

Обладают ли философские утверждения теми свойствами, наличие которых является предпосылкой применимости истинностной оценки?

Мы отметили, что вопрос об истинности или ложности некоторого предложения можно обсуждать лишь после того, как мы решили, что данное предложение осмысленно. Если перед нами бессмысленное словосочетание, то смешно было бы спрашивать, истинно оно или ложно.

В одной из своих ранних статей, носившей название «Устранение метафизики посредством логического анализа языка», Р. Карнап пытался доказать, что предложения философии бессмысленны, поэтому понятие истины к ним неприменимо. Он указывает два источника бессмысленности. Предложение может оказаться бессмысленным вследствие того, что в нем нарушены грамматические или синтаксические правила, например: «Береза между завтра» или «Точка лежит когда» и т. п. Это даже и не предложения в строгом смысле слова, и мы легко усматриваем их бессмысленность.

Однако предложение грамматически может быть построено правильно, но в нем нарушены *семантические* правила, и это делает его бессмысленным. Например, предложение «Дом быстро бежит» по грамматической структуре не отличается от предложения «Олень быстро бежит», но с точки зрения семантики первое предложение бессмысленно, ибо предикат «бежать» – согласно нормам языка – нельзя приписывать таким объектам, как дом. Бессмысленность второго рода обнаруживается лишь благодаря логическому анализу, поэтому в повседневной речи так много бессмысленных предложений.

Карнап был убежден, что предложения философии хотя и имеют вид грамматически правильно построенных предложений, однако семантически бессмысленны. Почему? Потому, отвечает он, что их нельзя эмпирически проверить: можно наблюдать быстрый бег оленя, но нельзя наблюдать быстрого бега дома. Это приводит нас к уже упоминавшемуся различию между утверждениями философии и науки: первые – *непроверяемы*, их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть опытом, фактами, они *неразрешимы* – в том смысле, что с помощью эмпирических методов нельзя установить их истинность или ложность.

Но если философские утверждения и концепции непроверяемы, то их нельзя признать и описаниями. К. Поппер в одной из своих работ [Поппер, 1983, с. 320] замечает, что если наши утверждения претендуют на описание реальности, то они могут быть опровергнуты, ибо всегда существует возможность, что реальность не такова, как мы ее описываем. Если же философские утверждения не могут быть проверены, не могут быть опровергнуты, не могут прийти в столкновение с реальностью, то все это означает, что они и не претендуют на ее описание. Может показаться, что это неверно, ибо в философских системах наряду с нормативными, оценочными и тому подобными утверждениями встречаются и описательные утверждения, например: «Бытие есть ничто» или «Изменение качества осуществляется посредством скачка». Однако если мы более внимательно посмотрим на такого рода утверждения, то убедимся, что это вовсе не описания, а скорее определения, соглашения об употреблении терминов и следствия этих соглашений.

Раскроем, например, одно из типичных философских сочинений – «Этику» Спинозы, обладающую тем достоинством, что автор старается четко и ясно выразить все основания своей системы. Что мы обнаруживаем на ее первых страницах? Определения и аксиомы, выражающие тот смысл, в котором автор употребляет важнейшие термины своей философии – Бог, Природа, субстанция, атрибут, модус и т. д. Затем из этих исходных соглашений автор дедуцирует теоремы, которые, по сути дела, представляют собой раскрытие, развертывание первоначальных определений и аксиом. И так Спиноза поступает в каждой из пяти частей своего труда. Он не обращается к фактам, он ничего не проверяет, он только дедуцирует. Вся система, таким образом, представляет собой громадную совокупность конвенций о значении и смысле понятий, об употреблении терминов. И это – существенная черта *каждой* философской системы.

Благодаря тому, что философские утверждения не представляют собой intersubъективно проверяемых описаний, они и не являются общезначимыми – в том смысле, что каждый, кому понятно их значение, должен согласиться с ними. «...В результате работы философии, – замечает по этому поводу В.И. Вернадский, – нет общеобязательных достижений – все может быть не только подвергнуто сомнению, но, что важнее всего, это сомнение может войти как равное в организацию философской мысли каждого времени. В отсутствии общеобязательных достижений заключается резкое отличие результатов философского творчества от построения Космоса научной мыслью...» [Вернадский, 1988, с. 305]

Если некоторое утверждение непроверяемо и ничего не описывает, то нет никаких оснований, которые заставили бы нас согласиться с этим утверждением. Истину мы вынуждены принимать в силу объективных обстоятельств: мы не можем отвергнуть истину, принять ее заставляет нас внешняя необходимость. Но что заставляет нас принимать философские утверждения? Только субъективные, национальные, классовые и тому подобные предпочтения, а они различны у разных людей. Поэтому разные люди будут принимать разные философские утверждения и системы. «Всякая мыслящая личность может выбирать любую из философских систем, создавать новую, отвергать все, не нарушая истину» [Вернадский, 1988, с. 313].

Все это свидетельствует о том, что к *философским утверждениям понятие истины в его классическом смысле неприменимо*. В конце концов этот вывод является непосредственным следствием простого, очевидного, но, как представляется, решающего аргумента. Эмпирически констатируемый *плюрализм* философских систем, направлений, концепций неопровержимо свидетельствует о том, что философские утверждения не находятся в истинностном отношении к миру. Если бы в сфере философии речь могла идти об истине, то плюрализм был бы невозможен: давным-давно была бы

выделена истинная система философии – философская парадигма, которая объединила бы вокруг себя подавляющее большинство философов всех стран, и развитие философии пошло бы точно так же, как происходило развитие конкретных наук. Но этого до сих пор не произошло.

Философия – мнение или знание?

Сочетания слов «философское знание», «философские науки» настолько прочно вошли в наш язык, что без них, кажется, невозможно обойтись. Во многих философских работах и учебниках философия квалифицируется именно как наука. Но теперь мы видим, что это не совсем так или даже совсем не так.

Выше было отмечено, что философия существует как особый тип мировоззрения и как общая теория мировоззрения. В качестве мировоззрения она не является наукой, не является общезначимым знанием, а представляет собой *мнение*, убеждение (*belief*). Наряду с определенным представлением о мире мировоззрение всегда включает в себя отношение к миру, его оценку, цели и ценности, а все это предполагает какого-то субъекта. Мировоззрение неизбежно субъективно, в то время как знание интерсубъективно – оно принимается всеми. Если наука дает общезначимое знание о мире, то философия выражает субъективное мнение о мире того или иного философа.

Совершенно очевидно, что мнение субъективно, что у каждого человека свое мнение и каждый имеет право на собственное мнение. При этом мнения нельзя оценивать с точки зрения истинности или ложности, что справедливо также для философии как разновидности мнения. Мы говорим не о знании, а именно о мнении Платона, П. Абеляра или Вольтера по тому или иному философскому вопросу. Философия как мировоззрение есть мнение философа о мире и о себе.

Конечно, мнения бывают разных типов. Скажем, вы считаете Марка Шагала великим художником – это ваше мнение. Мне он кажется бездарностью – это мое мнение. В подобных случаях нелепо спрашивать: как же «на самом деле» – велик Шагал или бездарен? Наши мнения в данном случае выражают наше отношение к живописи Шагала, наши субъективные оценки его творчества. Хотя эти оценки могут быть диаметрально противоположны, тем не менее нельзя сказать, что одна из них истинна, а другая ложна, ибо здесь нет никакого «на самом деле». В сфере оценок закон исключенного третьего не действует. Многие мнения именно таковы, и они входят в состав философских систем.

Мнения могут выражать не только оценки, но и представления о вещах и положениях дел. Не отношение, не оценка, не вкус выражаются в таких мнениях, а представления, предположения о реальности, опирающиеся на интуицию и опыт. «Мне кажется, этот самолет не взлетит», – говорит опытный авиаконструктор, едва взглянув на новую модель самолета. «Я думаю, этот человек тяжело болен», – утверждает опытный врач еще до проведения исследований и анализов. «Из этого ребенка выйдет толк», – заявляет опытный педагог. Возможно, они не смогли бы обосновать своего мнения, но мнения такого рода уже гораздо ближе к знанию.

Такие мнения входят в философские системы. Их нельзя считать знанием, ибо нельзя обосновать эмпирически или доказать логически. Однако такие мнения со временем могут стать знанием, когда появится возможность проверки и доказательства. Когда Демокрит утверждал, что «лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое», а на самом деле существуют лишь атомы и пустота, то в V в. до н.э. это было лишь его субъективным, ничем не подкрепленным мнением о действительности. Аристотель полагал, что в центре Космоса находится бог – перводвигатель, который вращает звездную сферу. Это тоже было его личным мнением. Но мнение Аристотеля впоследствии было отброшено, а мнение Демокрита превратилось в обоснованное знание. Когда пифагореец Филолай (V в. до н.э.), считая огонь более совершенным, нежели земля, помещает огонь в центр мира и приходит к мысли о том, что Земля должна двигаться, то мы сейчас ясно видим, что речь идет о мнении, которого долго никто не принимал всерьез. Только через две тысячи лет Коперник начинает превращать это мнение в знание.

Каждая философская система в целом – это совокупность мнений философа о мироздании. Некоторые из этих мнений интересны как выражение определенного субъективного отношения и могут разделяться многими людьми. Какие-то мнения философа отбрасываются как выражение его ничем не подкрепленных и не оправдавшихся предположений. Но иногда мнение философа дает толчок научному поиску и трансформируется в знание. Так было со многими философскими идеями относительно космоса, биологической эволюции, государственного устройства и т. п. Возможно, когда-нибудь станут знанием и мнения философов о счастье, о добре и зле, свободе или смерти.

Список литературы

- Вернадский, 1988 – *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
- Вундт, 1998 – *Вундт В.* Введение в философию. М.: ЧеРо, Добросвет, 1998. 256 с.
- Грейвс, 1992 – *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
- Кант, 1980 – *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 711 с.
- Поппер, 1983 – *Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
- Рассел, 1998 – *Рассел Б.* История западной философии. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 991 с.
- Фролов, 2003 – *Фролов И.Т.* и др. Введение в философию. Учеб. пособ. для вузов. М.: Республика, 2003. 623 с.
- Чанышев, 1981 – *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. 374 с.

References

- Chanyshv, A.N. *Kurs lektiy po drevney filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981, 374 pp. (In Russian)
- Frolov, I.T. et.al. *Vvedeniye v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. Moscow: Respublica, 2003, 623 pp. (In Russian)
- Graves, R. *Mify Drevney Gretsii* [The Greek Myths]. Moscow: Progress, 1992, 624 pp. (In Russian)
- Kant, I. *Traktaty i pisma* [Manuscripts and Letters]. Moscow: Nauka, 1980, 711 pp. (In Russian)
- Popper, K.R. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The Logic of Scientific Discovery]. Moscow: Progress, 1983, 605 pp. (In Russian)
- Russel, B. *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]. Rostov-on-Don: Fenix, 1998, 991 pp. (In Russian)
- Vernadskiy, V.I. *Filosofskiye mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow: Nauka, 1988, 520 pp. (In Russian)